

В серии «Другие Миры»

вышли книги:

Ника Ветрова

Университет вредной магии.
Пособие по выживанию

Галина Гончарова

Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно

Горький ветер свободы
Черно-белая палитра
Чудовище и красавец

Вероника Мелан

Ассасин
Дэлл
Уровень: Магия
Бернарда

Ирина Котова

Королевская кровь.
I. Сорванный венец
II. Скрытое пламя
III. Проклятый трон
IV. Связанные судьбы
V. Медвежье солнце
VI. Темное наследие

Ольга Гусейнова

Когда нет выбора
Сумеречный мир

Ольга Хусаинова

Академия Зла.
Испытание ведьмой
Академия Зла.
Быть ведьмой

Нина Бархат,

Марина Багирова
Присвоенная

Жанна Лебедева

Сиреневый черный.
Гнев единорога

Лесса Каури

Золушки из трактира
на площади
Золушка вне закона
Золушки нашего Двора

Алиса Дорн

Институт моих кошмаров.
I. Здесь водятся драконы
II. Адские каникулы
III. Никаких демонов

Таис Сотер

Факультет прикладной магии.
Простые вещи
Факультет боевой магии.
Сложные отношения

Кира Стрельникова

Своенравный подарок
Бездушная

Дарья Кузнецова

Модус вивенди

Ольга Романовская

Песочные часы

Юлия Григорьева

Погоня за сказкой

Ирина Зволинская

Охота на дракона

Алина Полянская

Магистерия

Анна Невер

Обжигающий след

Екатерина Богданова

Академия времени

Марина Александрова

Соль.
Судьба первородной

Марина Суржевская

Ветер Севера. Риверстейн

Ольга Миклашевская

Это все магия!

Алина Лис

Маг и его кошка

Ирина
Котова

**КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ**

ТЕМНОЕ НАСЛЕДИЕ

Издательство АСТ

Москва

Мир Тура

Часть первая

ГЛАВА 1

На огненном материке Туна над серыми наплывами остывающей лавы раздувался огромный пространственный пузырь. Из-за нестабильности материковой коры прорывы здесь случались гораздо чаще, чем на другом краю Туры, но, даже если появлялись из них твари Нижнего мира, выжить на жестоком континенте не удалось еще ни одной.

Переливающийся перламутром шар дрогнул, раскрываясь длинными рваными «лепестками», и замер. Неподалеку ревели два парных вулкана, извергая жидкую лаву, с клекотом и бульканьем били вокруг струи пара из земных недр. А в глубине гигантского «тюльпана» появилась неестественно вытянутая парящая тень. Попробовала сделать движение вперед и застыла, зло полоснув по тонкой ткани перехода черной когтистой лапой — перегородка упруго и мягко спружинила обратно. Сама Тура сопротивлялась проникновению в мир иной силы. Тень присела на корточки, принюхиваясь, и вдруг метнулась назад, прочь от перехода.

Из клубов серого, подрагивающего от жара марева соткалась фигура огненного бога, Красного Воина. Великий прошел по багровому в золото лавовому потоку — под ногами бога вспыхивали искры, под широкую ладонь ластились, радуясь присутствию повелителя, огромные пламенные духи, похожие на гигантских лохматых телят. Он ласково гладил их по лбам, по текучим огненным шкуркам, и огневики мотали головами и ревели от счастья, заглушая гул вулканов.

Пространственный «цветок» уже трепетал, истончаясь, — но все же рядом с ним отчетливо разило иной, чуждой Туре силой. И Вечный Воин остановился, ловя отголоски этой силы и хмурясь.

«К нам пытался пробраться чужак, — сказал он мысленно остальным Великим Стихиям. — Из Нижнего мира. Будьте готовы».

Середина декабря, Бермонт

Из заявления для прессы, сделанного Его Величеством Демьяном Бермонтом:

«Благодаря самоотверженности и смелости моей возлюбленной супруги, королевы Полины-Иоанны, я жив и здоров. Жена моя, пожертвовав собой, утратила человеческую ипостась, разум ее спит, душа не откликается. Я сделаю всё, чтобы вернуть ее. Благодарю жителей Бермонта за верность. Те же, кто не сумел пройти это время с честью, понесут свое наказание».

Давно в Бермонте не случалось такой вспышки религиозного рвения. Днем и ночью люди нескончаемым потоком шли в храмы и часовни, отстаивали многочасовые очереди, чтобы помолиться за здоровье королевы. И так много было жертв, что ароматические масла изливались из чаш у подножия статуй Великих стихий, пропитывали песок, растекались по каменным полам, чтобы потом вознестись молебным облаком к небесным чертогам.

Но боги молчали.

Четверг, 15 декабря

Наступили дни полнолуния, и к молитвам о возвращении супруги короля присоединились почти восемьдесят берманских кланов, земли которых растянулись от Медвежьих гор на юге, где находилась граница с Рудлогом, до острых северных фьордов, где холодное лето стояло один месяц в году. Линдморы, послушные слову монарха, ушли в тундру и леса в медвежьей ипостаси — и никто не смог снова обернуться человеком. Большинство из них все же было любимо своими детьми, искренне оплакивающими родителей. И пусть где-то продолжали шептаться, что воздаяние, назначенное королем, несправедливо, что в нем говорят горе и злость, ведь он был все равно что мертв, и, не касайся это его лично, он бы первый приказал уничтожить зараженного бермана. Но условие — возвра-

щение королевы — было озвучено, и никто не оказался достаточно глуп, чтобы посметь оспорить его. Все понимали: от кровавой расправы их кланы уберегло только чудо. И даже самые ревностные хулители короля не приняли его неожиданную милость за слабость.

Королеве Полине, пребывающей в медвежьей шкуре, молитвы никак не помогали. Ее перенесли в центральный двор, закрытый погодным куполом, приставили слуг, и слабая тощая медведица почти весь день лежала на боку и дремала, облегчая работу виталистам. Все: и врачи, и маги жизни — хором твердили, что ее величество истощена до предела, что ее нужно кормить как можно больше, потому что капельницами тут не поможешь, вите необходимо крепкое тело, иначе все усилия впустую. И двигаться она должна хотя бы немного, иначе мышцы совсем атрофируются.

Сердобольные гвардейцы натащили королеве в лесок живых зайцев и полосатых поросят, но охотиться у нее не было сил, и зверье совершенно обнаглело — топталось прямо перед мордой, скакало вокруг, прячась при появлении берманов и людей.

Немного оживлялась медведица, только когда приходил Демьян. Глухо, угрожающе ворчала на него и пыталась отползти.

Тело помнило боль и запах мучителя, инстинкт требовал бежать. Но человек приносил ей свежего мяса и сладких ягод, медовых сот, кореньев, спелых орехов и птичьих яйца, бесстрашно зажимал ее голову рукой и заставлял есть, частенько потом уходя с прокушенной ладонью или израненной грудью. Или оборачивался громадным медведем — чуть ли не в два раза больше нее, — обнюхивал, вылизывал морду, живот, тыкал носом, рычал: вставай, мол, иди! Нужно двигаться! Смотри, какое озеро, как можно полежать в воде, попить! Я специально для тебя запустил туда толстую форель и карпов. Знаешь, как это вкусно?

Пол стонала и плакала, и не прельщали ее ни принесенные, еще трепещущие и остро пахнущие кровью зайцы, ни крупная жирная рыба. И глотала она, подчиняясь рыку большого самца, и встать пыталась — но тут же падала от слабости.

И только охранники на входе во внутренний двор видели, каким бледным и мрачным от горя возвращается в замок их монарх. С подданными Демьян оставался сух и любезен, и лишь участвовавшие вспышки гнева да практически не возвращающиеся к спокойному цвету звериные желтые глаза выдавали тяжесть, которую нес он внутри.

Все полнолуние большой медведь провел с Полиной — спал рядом, грея жарким боком, ворочал ее, драл перед ее носом поросят, чтобы пробудить интерес к жизни. Полину сейчас он ощущал как зверя. Без проблесков сознания, без ощущения спящего человека внутри, как было, когда она оборачивалась в прошлое полнолуние. Тогда до нее можно было дозваться. А сейчас — нет. Но он все равно звал — и не слышал отклика. Да и мыслей там как таковых не было. Только ощущения. Больно. Слабость. Сонливость. Приевшийся уже тупой голод и тошнота после еды. Раздражение и угроза в сторону людей. Страх по отношению к нему, Демьяну, и усталая покорность ему же в медвежьей ипостаси.

В день, когда произошло исцеление, он спустился в часовню Хозяина лесов в сопровождении гулко ступающих стражей-варронтов. Каменные медведи, подойдя ко входу, послушно встали на свои места, слились со стеной, застыли. А король приложил кольцо к двери и вошел внутрь. И не был Демьян Бермонт трусом, но ему пришлось преодолеть свой стыд и свою боль, чтобы сделать шаг в окрашенные безумием воспоминания.

«Демьян. Милый. Это же я. Демьянчик, родной мой...»

Запах крови и слез. Мечущаяся жертва, которая так долго убегала и так сладка на вкус. Она прыгает от него, кричит, боится, и охотничий инстинкт заглушает рассудок. Хочется больше крови и сочного мяса, но запах молодой самки смущает зверя, и он вынюхивает жертву, снова пробует ее кровь.

«Ты обещал, что мне не нужно тебя бояться!»

Короткий поцелуй, резкое движение, вызвавшее ярость — и за несколько мгновений переплавившее жажду крови в жажду иного свойства.

«Я твоя жена! Жена!»

Бермонт опустил перед окровавленным алтарем на колени, прислонился к нему лбом. Запахи все еще были сильны, и руки на теплом камне сами по себе сжались,

требуя оборота. Не имело значения, что он был заражен, что не контролировал себя. Виноват. Не предусмотрел, отмахнулся от предупреждения старого Тайкахе и своего божественного покровителя, слишком сильным себя чувствовал, слишком счастливым. Урок собственной ничтожности перед судьбой он усвоил хорошо, но какой ценой? Как исправить содеянное по самоуверенности и гордыне?

Бермонт поднял голову, упрямо взглянул на своего божественного прародителя.

«Я подвел тебя. Но я все равно приду к тебе. И ты ответишь мне, чего бы мне это ни стоило».

Бог не стал говорить, хмурясь на дерзость сына своего, и Демьян широкой ладонью провел по бурным подтекам на алтаре, чувствуя кожей холод скалы, поднимающейся из земных недр. Давным-давно этот камень использовался как брачное ложе для мужчин их рода. Здесь, в полумраке, делал король невесту женой — считалось, что под кровом Хозяина лесов дитя получится сильнее, крепче, и монарх возьмет от женщины больше сил. Но уже несколько сотен лет не брали здесь берманы клана Бермонт своих жен. Только приводили наутро, капали на алтарь кровью в подтверждение того, что брак свершен.

Что же, Демьян чувствовал, как бурлит в его жилах сила, не сравнимая с той, что была у него прежде, и теплая зима, расходящаяся по Бермонту, подтверждала верность давней традиции. В любом случае он отказался бы и от этой силы, и от этого тепла, только бы вернуть себе Полину.

Под его пальцы мягким ковром стелились поднимающиеся с каменного пола новорожденные светло-зеленые мхи, закрывая руны по краям алтаря и кровь его жены, а черный камень от отчаяния потомка Хозяина лесов вдруг начал со стоном уходить обратно в скалу — Демьян отнял руки, посмотрел на вдавленные в плиту глубокие отпечатки ладоней, уже зарастающие мхом, поднялся и вышел.

Вечером к дверям его покоев пришел Свенсен. Попросил выслушать, опустился на колени, снял нож, положив его перед собой. И, ничего не утаивая, рассказал, как с другими берманами искал взбесившегося короля, чтобы убить его.

— Ты волен взыскать с меня, — сказал Свенсен покаянно. — Единственным человеком, кто верил, что тебя

можно спасти, была твоя королева. И если бы мы нашли тебя раньше, то ты был бы мертв. Она спасла тебя, увела в тайный ход — дверь захлопнулась прежде, чем мы проникли туда. Спасла и второй раз здесь, в коридоре. И третий, — добавил он тяжело.

— Встань, Хиль, — сухо ответил Бермонт. — Ты знаешь, что я поступил бы так же. Потому я и не уничтожил нападавших, что они были правы — по сути, не по чести. По чести они должны были служить Полине, пока я не умер, но кто мог подумать, что есть спасение? Встань. Мне не за что тебя винить. Только себя.

Свенсен поднялся, взглянул на хмурого короля.

— Что ты будешь теперь делать? — спросил он. — Что я могу сделать для тебя?

— Сейчас — к жене, — сообщил Демьян. — Ночь буду с ней, а завтра отвезешь меня к Тайкахе. Хочу поговорить с ним.

Эту ночь он не спал — слушал биение сердца и сиплое дыхание своей медведицы, устроившись рядом и глядя на мерцающую поверхность пруда, мягко тыкал ее носом, когда она начинала едва слышно поскуливать, подпихивал к пасти мясо. Наутро силой напоил ее водой с медом, залечил укусы на себе и улетел в тундру.

Старый шаман на морозе, при свете короткого дня — еще немного на север, и начнется долгая полярная ночь, — под трепещущими занавесями северного сияния свежевал оленя. И на запах крови прибежали и крутившиеся неподалеку волки, чующие силу старого человека и не смеющие приближаться, и пушистые юркие песцы, и остроносые тьявкающие лисы, задирающие мордочки и жадно нюхающие воздух. Бермонту и самому был приятен запах свежей крови, но пришел он не за этим. Сел на снег, скрестив ноги и ожидая, пока закончит старик свое дело. Тот только покосился на него, срезая острым лезвием куски мяса и выкладывая их на свежеснятую шкуру — замерзнет, вымерзнет, вкусно будет.

Долго шаман орудовал ножом. Кинул потроха подбежавшим хищникам, цыкнул на них, начавших жадную возню с рычанием, — и зверье послушалось, стало есть чинно, не огрызаясь и не пытаясь утащить кусок побольше. Выломал пару ребер со свежатиной, сел перед коро-

лем на снег, отдал одно ему измазанными в крови пальцами, сам вгрызся в другое.

Некоторое время мужчины молча ели. Затем умылись снегом — тот окрасился в розовый, кровавый. Тайкахе требовательно протянул руку, и Демьян отдал ему обглоданное ребро. Шаман несколько минут всматривался в него, вслушивался, и лицо старика с красными разводами казалось даже жутковатым.

— Великий Медведь сердится, — скрипуче сказал он наконец.

— Это я чую, — тяжело ответил Демьян, — поэтому и хочу узнать всё, что ты можешь мне сказать, прежде чем идти за помощью.

— Лапа у него тяжелая, — шаман искоса, прищурившись, взглянул на короля. — Обождал бы.

— Переживу, — Демьян погладил по шкурке подбежавшего лисенка, и тот быстро-быстро стал облизывать его пальцы. — Ты ощущаешь ее сейчас, Тайкахе? Что ты видел?

— Прошрое видел, алтарь в крови и брак свершившийся. И будущее видел, солнце целительное и сына вашего, — не переставая вертеть в руках оленье ребро и глядя куда-то сквозь собеседника, сообщил старик, — и смерть жены твоей видел. Запутали меня духи, — он постучал ладонью по снегу, и вокруг заискрились, заблестали взметнувшиеся снежинки, — заиграли. Где явь, где ложь? Видел я, как душа уходит на оборот, а что дальше — живым уже недоступно, медвежий сын.

— Позвать душу сможешь? — спросил Бермонт выжидательно.

— Э-хе-хе, — застонал шаман. — Лучше тебя никто не позовет, медвежий сын. Но обряд проведу, не сомневайся. Только надо, чтобы было куда душе возвращаться. В хилом теле не задержится. Приходи, когда здорова телом будет.

Он снова завздохал, открыл рот, будто собираясь что-то сказать, закрыл его. И все-таки произнес:

— Иди, медвежий сын. И не печалься. Замыслы богов трудно понять из-за краткости нашей жизни. Но так я думаю: все это нужно было, чтобы твою силу увеличить. Теплынь-то какая, — он махнул рукой, сощурился, и Демьян невольно усмехнулся — морозец хорошо щипал кожу, но для этого времени и правда было тепло. — А мо-

жет, еще для чего пригодится, мой король? Да и чем сложнее цель, тем больше вира. Твою виру заплатила жена. Но сам подумай: не было бы твоей крови в ней — она бы уже умерла. Не всегда плохое плохо. Бывает, плохое оборачивается хорошим.

Луна стояла высоко в небе, освещая засыпающий Ренсинфорс голубым сиянием, когда Бермонт вернулся в замок. И прямо из ангара пошел к своей Полине. Она опять дремала, беспокойно подергивая лапами, и замерла, только когда Демьян обернулся и лег рядом.

На следующий день он опять приказал подготовить листолет. Но полетел теперь на запад — туда, где среди густого и глухого леса, во впадине между двумя сопками находилось огромное, никогда не замерзающее озеро.

Посередине этого озера стоял остров, ставший местом последнего пристанища первого Бермонта, воплощенного Зеленого, Михаила. Никто не знал об этом, кроме членов королевской семьи. Местные к озеру не подходили — вокруг случались вещи ужасные и таинственные, и поэтому его огибали стороной. Не работали рядом магические механизмы, не было проложено к нему дорог. И король Демьян, оставив сопровождающих далеко на дороге, куда приземлился листолет, оборотился в медведя и потрусил по глубокому снегу к озеру, широко раскинувшему холодные и вязкие языки тумана. С каждым шагом туман становился плотнее, и скоро медведь уже шел в тихом сверкающем на солнце молоке, густом, таком плотном, что даже хруст снега под лапами казался приглушенным.

Шел он долго: солнце уже прошло треть небосвода, когда под лапами наконец захрустела ледяная крошка, а затем захлюпала вязкая глина, покрытая почерневшей хвоей и острыми шишками. Зашуршала зеленая осока, раздвигаемая тяжелым зверем. Медведь глотнул теплой воды — телу сразу стало радостно и хорошо — и, шагнув в воду, поплыл, быстро перебирая лапами и задрал нос вверх.

Остров он бы не пропустил — даже в тумане тот светился зеленоватым травяным сиянием, ленивыми волнами растекающимся по водной глади. Среди окружающих его снегов на поверхности озера цвели кувшинки, вокруг квакали лягушки. Плескала рыба, и Бермонт не удержал-

ся — схватил одну особо наглую, зажал в пасти трепыхающееся скользкое тело и поплыл быстрее: очень хотелось поскорее съесть добычу.

На остров он ступил через полчаса. Отряхнулся от воды, зажал рыбу лапой и в два присеста заглотив ее. Попил и обернулся в человека.

В нескольких метрах от берега травы вымахали по пояс, и дух кругом разливался сочный и летний, хвойный, яблочный. Высокими стражами вставали зеленые ели, окружая остров по периметру, — искололи короля, мягко предупреждая: не ходи, не тревожь праотца. Но Бермонт шел, и взгляд его то и дело выхватывал то крепкий белый грибок, то россыпь красноголовиков в желтой хвое, то яркие пятна лисичек во мху. Шмыгали вокруг зайцы, взволнованно щебетали птицы: «Стой, не ходи», — и в стрекоте любопытных пушистых белок он тоже слышал предупреждение.

Недовольство своего отца Демьян почувствовал задолго до того, как вышел к могиле. Как будто кто-то крепкой рукой давил на шею, заставлял склонять голову, напрягать мышцы, чтобы двигаться дальше. И остров начало едва заметно потряхивать, и деревья вокруг качались, шелестели тревожно, предостерегающе.

Через несколько минут король вышел на яблоневую поляну. То тут, то там виднелись молодые яблоньки, а посреди стояла мать этого сада — высокая, крепкая, с кроной, которая, казалось, покрывала весь остров. Увидел он тут и лосиху с лосятами, поедающих нападавшие яблоки, и топчущих под ногами бесстрашных ежей, и спящих, свернувшихся клубочками волков. Здесь все сосуществовали в мире, и никто бы не посмел пролить кровь другого живого существа.

Когда-то давно, несколько тысяч лет назад, этот остров был голым камнем, монолитом, поднимающимся из холодных вод озера. После смерти Михаила Бермонта прямо из скалы посреди острова выдолбили тяжелый саркофаг и положили туда почившего короля.

А через несколько лет из-под могилы поднялась яблоня. Необычная, с шестью стволами, оплетшими тяжелую гробницу великого короля и снова соединившимися над ней. Яблоня пошла в рост и вширь, подняла саркофаг на высоту нескольких человеческих ростов, пробила корнями камень, уйдя куда-то в неведомые глубины, и раскину-

ла свою крону над островом. Саркофаг и сейчас был виден высоко над землей, мерцающий зеленью, как огромный неограниченный изумруд в древесной оправе.

До яблони оставалось несколько десятков шагов, когда давление гнева стало невыносимым — и Бермонт рухнул на колени, склонил голову.

— Верни ее мне, — произнес он громко, — отец. Я виноват; накажи, как считаешь нужным. Только верни ее.

Остров завибрировал от нутряного земляного рычания — и заревели, расходясь к берегам озера, поднявшиеся высокие волны. Громко хрустнула отломанная яблоневая ветка — и на спину склонившегося короля обрушился тяжелый удар, оставляя красный рубец. Демьян только сжал зубы и склонился еще больше. И лишь вздрагивал, когда на спину опускался очередной удар.

Остановился праотец, только когда ветка разлетелась, не выдержав силы воспитательного рвения.

— Уходи, — раздался тяжелый рык, — и не смей возвращаться. Будет тебе урок.

— Не пойду, — упрямо сказал Демьян. — Верни ее, отец. Год здесь стоять буду, два, пока не смягчишься. Верни.

— Выкину, — сердито рявкнули рядом с ним. Но уже без истовости, с усмешкой. Мохнатая лапа прошлась по спине, снимая боль, залечивая раны. Погладила по голове. — Не за то бил, сын, — сказал уже низким человеческим голосом, — что зол на тебя, а в науку, чтобы думал впредь, за что ответственен. Раз пришел, не спрятался, не испугался, да и вину признал — скажу тебе. Над душами я не властен, однако жди Михайлова дня. Если и вернется она, то только тогда, когда звери и люди ближе всего друг к другу. Больше ничего не открою. Сейчас надо нам беречь силы, сын. И ты не подводи меня впредь.

Бермонт поклонился, так и не обернувшись, — и пространство вокруг поплыло, и он выпал на снег прямо перед ожидающим его листолетом. Оттуда выскочили охранники, глядя, как поднимается с земли нагой король — а сверху на белый покров красно-желтым сочным дождем сыплются спелые ароматные яблоки.

Игорь Иванович от уколов, примочек и виталистических процедур проспал почти два дня. Только просыпаясь — тебе вкачивают антибиотик, кормят, провожают до удобств и снова зовут виталиста. Мышцы периодически прихватывало судорогами, и тело болело так, будто он неделю в одиночку камни ворочал. «Воздействие тока, — объяснил доктор, — вы еще легко отделались, чудо, что не парализовало».

Имя чуду было Люджина Дробжек. Сколько же она влила в него резерва, что не только завела сердце, но и фактически сняла последствия стихийного разряда?

На второй день Игоря, категорически отказавшегося от очередного сеанса виталиста — чувствовал он себя уже нормально, хотя красные ветвистые ожоги на груди заживали неохотно, да и пулевое немного беспокоило, — еще раз навестил Свенсен.

Ненадолго. Хмурясь, рассказал про ситуацию в замке Бермонт. Передал желание короля Демьяна встретиться с ним и Люджиной, когда они встанут на ноги, чтобы наградить за спасение Тарьи и выигрыш времени для королевы. И ушел, торопясь, оставив Стрелковского сжимать кулаки от тупой боли в сердце и очередной вспышки тягостного чувства вины и бессилия. Похоже, он приносит несчастье всем женщинам, которые ему дороги. И, как ни изворачивайся, ни прыгай выше себя, защитит их не получается. И Полину не уберег. Был рядом, да, но в результате она и боролась сама, и победила сама — только страшной ценой.

Игорь сжал зубы, сел на кровати, ограждаясь от привычно уносящих его в тусклое болото безнадежности мыслей и переключаясь на рабочий режим. Нужно было связаться с Тандаджи, обсудить дальнейшие действия. Игорь поискал взглядом телефон, выругался — вспомнил, что он сгорел от разряда, — вызвал медсестру и попросил дать ему позвонить. Набрал Тандаджи, кратко описал произошедшее и потребовал перевести их в Рудлог.

— Я уже в курсе, — коротко сказал тидусс. — Запрос на перевод послал, ты мне здесь нужен. Зашиваюсь, Игорь. Как будет известен ответ — сообщу. Телефон тебе передадут. Лечись.